

18+

ДМИТРИЙ ГОЛЯКОВ

Пчеловод

«ИСТОРИИ ПРОВОДНИКА»

Дмитрий Голяков

Пчеловод. «Истории проводника»

«Издательские решения»

Голяков Д.

Пчеловод. «Истории проводника» / Д. Голяков — «Издательские решения»,

Андрей умер. Но смерть — не конец. Он стал проводником душ. Его работа — находить тех, кто застрял между жизнью и светом. Тех, кто боится шагнуть. Тех, кто не может простить себя. Десять историй. Десять судеб. Старуха у озера, самоубийца на рельсах, солдат, ждущий приказа, мать с младенцем в горящем доме. Каждая душа заслуживает шанс. Каждая — свой последний разговор. Это не продолжение цикла «Пчеловод». Это взгляд на ту же вселенную с другой стороны — глазами проводника.

© Голяков Д.

© Издательские решения

Содержание

Новелла 1. Старуха у озера	6
Новелла 2. Пьяница на рельсах	11
Новелла 3. Ребёнок	16
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Пчеловод «Истории проводника»

Дмитрий Голяков

© Дмитрий Голяков, 2026

ISBN 978-5-0071-4472-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Новелла 1. Старуха у озера

Андрей не знал, сколько прошло времени с того дня, как он вернулся к живым на один день. Время в межмирье текло иначе. Иногда ему казалось, что прошла вечность — годы, десятилетия, века. Иногда — что он только что обнял брата на крыльце Погорелки, вдохнул запах мёда и утренней росы, а потом шагнул обратно в серое марево, и этот шаг всё ещё длится.

Он научился не считать дни. Не потому, что не умел — потому что это было бессмысленно. Здесь не было ни утра, ни вечера, ни смены сезонов. Было только серое марево, тянущееся во все стороны, и нити — тысячи, миллионы нитей, уходящих в разные миры. Каждая нить вела к душе. К той, кто ждала помощи. К той, кто застрял между жизнью и светом, не мог найти дорогу, боялся шагнуть, цеплялся за прошлое, как утопающий за соломинку.

Андрей научился различать нити по звуку. Одни звенели — тонко, жалобно, как далёкие колокольчики. Это были души детей. Другие гудели — низко, тяжело, как большие колокола. Это уходили старики, прожившие долгую жизнь и накопившие много боли. Третьи молчали. Их нити были тёмными, почти чёрными, и они не звали — они ждали. Андрей знал: к таким нужно идти самому, без зова. Они не просили помощи, потому что разучились просить.

Кузьма встречал его на невидимой скамейке. Старый проводник курил трубку, выпускал прозрачные кольца и смотрел на Андрея с лёгкой усмешкой. Иногда Андрею казалось, что Кузьма вообще никогда не спит — он был здесь всегда, в любую минуту, будто ждал, когда Андрей вернётся с очередного перехода.

— Ты стал другим, — сказал Кузьма однажды. — После того дня.

— Каким?

— Спокойнее. Раньше ты всё время куда-то спешил. Думал, что если не успеешь — случится что-то страшное. А теперь... теперь ты просто делаешь свою работу.

— Может, потому что я понял: всё уже случилось. Самое страшное. Дальше — только работа.

Кузьма кивнул. Кольцо дыма взлетело вверх и растворилось в сером мареве.

— Теперь ты настоящий проводник. Не новичок, который боится ошибиться. А мастер, который знает, что ошибки — это тоже опыт.

— А ты? — спросил Андрей. — Ты когда понял, что стал мастером?

Кузьма выпустил ещё одно кольцо, посмотрел на него долгим взглядом. Глаза старого проводника были светлыми — не золотыми, как у Андрея, а бледно-голубыми, выцветшими, как весеннее небо.

— Когда перестал считать. Ты ещё считаешь?

— Нет. — Андрей покачал головой. — Я понял, что это не имеет смысла. Каждая душа — не номер. Каждая душа — история. Если я начну считать, я перестану видеть людей. Буду видеть только цифры.

— Правильно, — Кузьма затянулся, выпустил дым через нос. — Цифры — для чистильщиков. Для ловцов. Для тех, кто охотится. А наша работа — другая. Мы провожаем. Не считаем.

Они помолчали. Где-то вдалеке, в сером мареве, зажглась новая нить — тусклая, едва заметная, но Андрей почувствовал её сразу.

— Иди, — сказал Кузьма. — Там ждут.

Андрей поднялся. Скамейка исчезла — он уже привык, что здесь ничего не бывает постоянным. Только нити, только серое марево, только души, которые ждут.

— Кто там? — спросил он.

— Узнаешь. Иди.

Андрей шагнул в марево.

Нить вела его долго. Дольше, чем обычно. Андрей шёл через серую пустоту, минуя знакомые ориентиры — старый бункер, где когда-то прятались тени солдат, поле, где бродили потерянные души, не желавшие уходить. Нить виляла, петляла, иногда обрывалась, и Андрею приходилось искать её заново. Он уже хотел повернуть назад, подумать, не ошибся ли, но нить дёрнулась, будто услышала его мысли, и повела дальше — увереннее, прямее.

— Что за душа? — спросил он вслух, хотя знал, что никто не ответит.

Он вышел к озеру.

Вода была чёрной, гладкой, как зеркало. Небо отражалось в ней, но не так, как в мире живых — перевёрнутым, бледным, будто старый негатив. Андрей знал это место. Он был здесь однажды, когда провожал молодого парня, утонувшего в пьяной драке. Тогда озеро было красным — от гнева, от боли, от нежелания уходить. Берега тогда дрожали, воздух звенел от напряжения, и Андрей потратил несколько часов, чтобы успокоить ту душу. Сейчас озеро было чёрным. Спокойным.

На берегу, на перевёрнутой лодке, сидела старуха. Лодка была старая, с облупившейся краской, и Андрей подумал, что когда-то она плавала по настоящей воде, в настоящем мире, но теперь стала частью этого места — таким же ориентиром, как старый бункер или поле теней.

Старуха была прозрачной, почти невидимой — Андрей различал её только потому, что привык к таким душам. Сидела на лодке, смотрела на воду и не двигалась. Её руки лежали на коленях, сложенные одна на другую, как у покойницы в гробу. Но она не была мертва в том смысле, который вкладывают в это слово живые. Она была здесь, на границе, и не могла шагнуть дальше. Её держало что-то — невидимое, но крепкое, как якорь.

Андрей подошёл, сел рядом на песок — песок здесь был чёрным, как и вода, и холодным, как лёд. Он не торопился начинать разговор. Иногда лучше подождать, дать душе самой заговорить первой.

— Здравствуй, — сказал он наконец.

Старуха не обернулась.

— Ты за мной?

— За тобой.

— А я не хочу уходить.

— Почему?

Она помолчала. Андрей слышал её дыхание — ровное, спокойное, будто она спала с открытыми глазами. Но он знал: она не спит. Она просто не знает, как начать разговор. Может, боится. Может, не доверяет. Может, уже столько раз её обманывали, что она разучилась верить.

— Я не успела попрощаться, — сказала она наконец. — С внуком. Он живёт в городе, мы не виделись три года. Я думала, что успею — съезжу летом. Куплю билеты, соберусь... А лето не наступило.

— Как его зовут?

— Саша. Сашенька. Он хороший мальчик. Рисует. Я его рисунки хранила — все, с первого класса. В коробке, под кроватью.

Старуха говорила тихо, будто боялась, что кто-то подслушает. Андрей слушал, не перебивая. Он знал: сейчас важно не говорить, а слушать. Дать ей выговориться, выпустить то, что копилось годами. Каждая её пауза, каждое взвешенное слово — это кусочек её жизни, который она отдавала ему, чтобы облегчить свою ношу.

— Он мне писал письма, — продолжала старуха. — Каждую неделю. Аккуратно, в конвертах, с марками. А я не отвечала. Телефон боялась, руки тряслись. А письма... письма я читала. Перечитывала по десять раз. Держала под подушкой, чтобы ночью перечитать, если не спится. А ответить не могла. Думала: вот съезжу, скажу всё при встрече. А встречи не случилось.

- Ты можешь передать ему что-то, — сказал Андрей. — Я помогу.
- Нельзя, — старуха покачала головой. — Я знаю правила. Не положено.
- Я не буду говорить. Я покажу. Он увидит во сне. Или просто почувствует.
- А ты можешь?
- Могу. Только скажи, что передать.

Старуха повернулась к нему впервые. Андрей увидел её лицо — морщинистое, сухое, с глубоко запавшими глазами. Но глаза были живыми. Не прозрачными, не пустыми — живыми. В них ещё теплился свет. Такой свет бывает у тех, кто любил сильно и долго.

— Ты правда можешь? — спросила она. В её голосе звучала надежда — такая хрупкая, что Андрей боялся её спугнуть.

— Правда.

Она долго молчала. Потом заговорила — быстро, будто боялась, что не успеет, что Андрей исчезнет, а вместе с ним исчезнет и последний шанс.

— Скажи, что я горжусь им. Что его рисунки — лучшее, что было в моей жизни. И что пусть не бросает. Пусть рисует. Даже если никто не покупает. Даже если говорят, что это ерунда. Пусть рисует. Для себя. Для меня. Я буду видеть.

— Всё?

— И ещё... — она запнулась, будто собиралась с силами. — И ещё скажи, что ключи от квартиры под половиком. Пусть зайдёт, возьмёт, что захочет. А коробку с рисунками — себе. Там не только его рисунки. Там его детские фотографии. И мои. И деда. Пусть посмотрит. Пусть знает, откуда он.

— Я передам.

— А теперь? — старуха посмотрела на озеро, потом снова на Андрея. — Теперь я могу уйти?

— Можешь. Тебя ждут.

Она встала. Медленно, с трудом, будто каждое движение давалось ей с болью. Андрей знал: это не физическая боль. Это боль расставания с тем, что держало её здесь. С надеждой увидеть внука. С мечтой о лете, которое не наступило. С жизнью, которая оборвалась слишком внезапно.

Проход открылся — тёплый, золотистый, пахнувший чем-то далёким, забытым. Андрей почувствовал запах пирогов, свежего хлеба, мятного чая — того, что всегда пахло домом. Там, за проходом, ждали. Кто — он не знал, но чувствовал, что ждали долго и терпеливо.

Старуха шагнула в проход, обернулась в последний раз.

— Спасибо тебе, сынок. Ты добрый.

— Не за что.

— А ты... ты проводишь ещё кого-то?

— Много кого.

— Им повезло, — сказала она и улыбнулась. — С таким проводником.

Она исчезла. Проход закрылся.

Андрей постоял ещё немного, глядя на чёрное озеро. Вода снова стала гладкой, зеркальной, и в ней отражалось серое небо межмирья. Он подумал о старухе, о её внуке, о коробке с рисунками под кроватью. О том, как мало мы говорим друг другу важных слов, когда ещё есть время.

Он шагнул в марево — туда, где ждал следующий.

Когда Андрей вернулся на невидимую скамейку, Кузьма уже сидел там, курил трубку и смотрел в пустоту. Дым от его трубки поднимался вверх и растворялся, не оставляя следа.

— Тяжёлая? — спросил он.

— Нет. Светлая. Она ушла легко.

— А ты?

— А что я?

— Ты не спрашивал, как её зовут.

Андрей задумался. Действительно, он не спросил. Даже не подумал. Имя не имело значения. Важна была история. Важна была боль, которую он помог отпустить. Важен был внук, который получит весточку во сне и, может быть, начнёт рисовать с новой силой.

— Не спросил, — признался он. — Но я запомню её.

— Это главное. Не имя. А память.

Кузьма исчез, оставив после себя запах табака. Андрей посидел ещё немного, потом встал и пошёл к следующей нити.

Но сначала — он должен был выполнить обещание.

Андрей пришёл в Погорелку. Не затем, чтобы вмешиваться — просто посмотреть. Просто быть рядом.

Он любил это время — поздний вечер, когда солнце уже село, но небо ещё светилося оранжевым, а пчёлы успокоились в ульях. Дом пахло дымом и пирогами — Ирина пекла по субботам, и этот запах разносился по всей деревне. Слышался смех Иришки — она уже подросла, лет семь ей было, бегала по двору, гоняла кур.

Дима сидел на крыльце, чинил рамку. Его руки двигались медленно, уверенно — он делал это тысячи раз. Пчёлы гудели ровно, спокойно. В доме кто-то смеялся — Иришка, наверное, или мать.

Андрей сел рядом. Дима не видел его, не слышал. Но вдруг поднял голову и посмотрел прямо в то место, где сидел брат.

— Андрей? — спросил он.

— Я здесь, Дим.

— Я чувствую. Ты давно не приходил.

— Работа.

— Тяжёлая?

— Разная. Сегодня старуху проводил. Внука просила передать, что любит.

— Передал?

— Ещё нет. Сейчас пойду.

— А как ты передаёшь?

— Во сне. Я показываю им картинки. Не словами — образами. Они просыпаются и помнят не сон, а чувство. Что их кто-то любил.

Дима помолчал.

— Ты так и мне передаёшь? — спросил он. — Иногда я просыпаюсь и чувствую — тепло. Будто кто-то обнял.

— Это я.

— Спасибо, брат.

Андрей встал, коснулся плеча брата — холодным, но ощутимым прикосновением. Дима вздрогнул.

— Ты здесь?

— Ухожу. Работа.

— Приходи ещё.

— Обязательно.

Андрей шагнул в марево.

Теперь он должен был найти того, кому обещал передать весть. Внука старухи.

Он искал долго. Нити вели его через город, через многоэтажки, через шумные улицы, где даже ночью не затихала жизнь. Андрей не любил город. Слишком много живых, слишком много шума, слишком много всего, что мешало слышать души. Но он шёл, потому что обещал.

Наконец он нашёл его.

Парень лет двадцати, с рыжей бородкой и усталыми глазами, сидел за столом в маленькой квартире. На столе — краски, кисти, недописанный пейзаж. Рядом — пустая кружка из-под чая и пепельница, полная окурков. Стены были увешаны рисунками — портреты, натюрморты, городские пейзажи. Чувствовалось, что парень талантлив, но не уверен в себе.

Андрей вошёл в квартиру сквозь стену. Парень не заметил его. Смотрел на холст, шевелил губами, что-то бормотал. На холсте был недописанный портрет пожилой женщины.

Андрей узнал её. Это была та самая старуха с озера.

Он сел на край дивана, закрыл глаза. Он не умел передавать вести словами — только образами. Он представил старуху. Её руки, сложенные на коленях. Её улыбку. Коробку под кроватью, полную рисунков. Письма, которые она перечитывала по ночам. Ключи под половиком.

Парень вздрогнул, поднял голову. Посмотрел в угол, где сидел Андрей, но не увидел. Только почувствовал.

— Бабушка? — прошептал он.

Андрей послал ещё один образ. Бабушка улыбается. Гладит его по голове. Говорит: «Я горжусь тобой».

Парень заплакал. Тихо, беззвучно, закрыв лицо руками.

Андрей посидел ещё немного, потом встал и вышел.

Он сделал, что обещал.

Новелла 2. Пьяница на рельсах

Андрей шёл по межмирью, следуя за нитью, которая вилась впереди, как тонкая серебряная паутинка. Он любил это чувство — когда нить сама ведёт тебя, не нужно думать, не нужно выбирать, просто идти и ждать, когда в серой мгле проступит душа, ждущая помощи. Сегодняшняя нить была странной — она не звенела, не гудела, не пульсировала. Она была тусклой, почти чёрной, и от неё тянуло холодом. Андрей знал этот холод. Так пахнет отчаяние. Так пахнет тот, кто не просто умер, а кто сам ушёл, кто перешагнул черту, потому что не видел другого выхода. Самоубийцы.

Он не любил такие нити. Не потому, что боялся — он уже ничего не боялся в этом сером мареве. А потому, что каждый самоубийца был загадкой. Никогда не знаешь, что его ждёт — согласие или борьба, слёзы или злоба, тихое прощание или крик, разрывающий тишину. Каждый раз как первый. Каждый раз как экзамен, к которому нельзя подготовиться.

Нить привела его к железнодорожным путям.

Это место Андрей знал. Он бывал здесь раньше, когда провожал молодого парня, сбитого поездом. Тот парень не хотел уходить — кричал, что его убили, что он не успел, что у него осталась девушка и недописанное письмо. Андрей провозился с ним несколько часов, пока тот не успокоился и не вступил в сияние. С тех пор он не любил железные дороги. Слишком много насильственной смерти, слишком много гнева и боли, которые оставались здесь навсегда, въедались в шпалы, в рельсы, в щебень.

Сейчас было поздно. Фонари горели тускло — в межмирье они никогда не горели ярко, только теплились, как свечи на ветру. Редкие искры от контактной сети вспыхивали и гасли в темноте, и Андрей смотрел на них, думая о том, как много в этом мире вещей, которые умирают, не успев родиться. Где-то далеко слышался гул приближающегося поезда, но поезд шёл по другой ветке — этот путь был заброшен, рельсы заржавели, шпалы сгнили, и даже звуки живого мира не могли сюда проникнуть.

На путях, вцепившись в рельсы, сидел мужчина. Его душа была чёрной, почти невидимой, и от неё тянуло холодом. Не тем холодом, который бывает зимой, когда мороз щиплет щёки и заставляет дышать паром, — другим, мёртвым, липким. Холодом, который проникает под кожу и остаётся там навсегда. Холодом отчаяния.

Андрей подошёл, присел на корточки рядом. Он не торопился начинать разговор — чувствовал, что этот не из тех, кто открывается сразу. Такие, как он, сначала проверяют. Испытывают. Бьют словами, чтобы посмотреть, что ты сделаешь: уйдёшь или останешься. Андрей оставался.

— Здравствуй, — сказал он наконец. Голос его прозвучал тихо, но в тишине межмирья это было громче крика.

— Отвали, — ответил мужчина. Голос его был хриплым, прокуренным, злым. Андрей слышал в этом голосе усталость. Не физическую — душевную. Ту, что накапливается годами и не находит выхода, копится в груди тяжёлым комом, мешает дышать, мешает жить, мешает даже умереть спокойно.

— Не могу, — спокойно ответил Андрей. — Ты умер. Моя работа — помочь тебе перейти.

— Я знаю, что умер, — мужчина не смотрел на Андрея. Смотрел на рельсы, на ржавые шпалы, на щебень. — Я сам лёг. Под поезд. Четыре года назад. Или пять? Я уже не помню. Время здесь не идёт.

Андрей помолчал. Он не знал, сколько этот человек просидел на путях в своём личном аду. Год, десять, сто — в межмирье это не имело значения. Важно было другое: он всё ещё здесь. Значит, он всё ещё не готов.

— Зачем? — спросил Андрей. Не потому, что не знал ответа — он видел причину, когда касался нити. Хотел, чтобы мужчина сам сказал. Чтобы услышал себя со стороны. Чтобы понял, что его боль, которую он носил в себе столько лет, не стала легче от того, что он её зарыл глубоко.

— А зачем жить? — мужчина усмехнулся. Усмешка вышла кривой, злой, с надрывом. — Жена ушла, с работы уволили, дети не звонят. Один, как перст. Сажу здесь, жду, когда кто-нибудь придёт. А никто не приходит.

— Дети не звонят, потому что ты им не дал такой возможности, — сказал Андрей. Голос его был ровным, без осуждения — только факт. — Ты ушёл, когда они были маленькими. Сначала в запой, потом в другую семью, потом вообще исчез. Они не знают, где ты. Не знают, жив ли ты. Они ищут тебя уже много лет. Твой сын объездил полстраны. Он не бросил тебя. Это ты бросил его.

Мужчина дёрнулся, будто от удара. Его руки, вцепившиеся в рельсы, дрогнули.

— Откуда ты знаешь? — прошипел он. В его глазах — чёрных, пустых — зажглось что-то похожее на гнев. Но Андрей знал: это не гнев. Это страх. Страх перед правдой, которую он так долго прятал.

— Я вижу. Твоя душа — как открытая книга. И не надо на меня злиться. Я не судить пришёл. Я помочь.

— Помочь? — мужчина усмехнулся снова, но теперь в усмешке было меньше злости и больше горечи. — Ты не сможешь. Никто не поможет. Сколько вас уже приходило — все уходило. Говорили красивые слова, а потом исчезали. А я оставался.

— Сколько?

— Много. Не считал. Первый был — старик с трубкой. Кузьма, кажется. Он сказал, что я не готов, и ушёл. Потом были другие. Молодые, старые, мужчины, женщины. Все говорили одно и то же: «Ты должен простить себя, ты должен отпустить, ты должен идти». А я не могу.

— Почему?

— Потому что не заслужил. Я был плохим мужем, плохим отцом, плохим человеком. Я пил, бил, унижал. А когда остался один — испугался. Испугался одиночества. И лёг под поезд. Трус.

Андрей молчал. Он не спорил. Не говорил «ты не прав». Потому что мужчина говорил правду. Таковую, какую видел сам. Но правда бывает разной. И то, что человек думает о себе, не всегда совпадает с тем, что думают о нём другие.

— Ты не трус, — сказал Андрей наконец. — Ты больной. Ты был болен. И не знал, как лечиться.

— Какая разница?

— Разница есть. Больного не судят. Его лечат. А ты не дал себя лечить. Ты выбрал самый лёгкий путь. И теперь сидишь здесь и боишься сделать следующий шаг.

Мужчина замолчал. Андрей ждал. Он знал, что в такие моменты нельзя торопить. Нужно дать человеку время — даже мёртвому — переварить, подумать, решиться. Время здесь было единственным, чего хватало с избытком.

— Ты не первый проводник, который ко мне приходит, — сказал мужчина наконец. — Были и другие. Я их всех послал.

— И меня пошлешь?

— Не знаю. Ты не похож на остальных.

— Чем?

— Они говорили правильно. Красиво. О любви, о прощении, о свете. А ты... ты просто сидишь. Молчишь. Не пытаешься меня убедить. Не давишь.

— Потому что я не знаю, что тебе сказать. Ты сам должен решить. Не я. Не Кузьма. Не другие проводники. Только ты.

Мужчина долго молчал. Андрей слышал, как где-то далеко снова загудел поезд — другой, не здесь. Гул приближался, потом удалялся, и снова стало тихо. Только ветер шуршал щебнем. Андрей подумал о том, что звуки живого мира иногда просачиваются в межмирье. Как напоминание о том, что там, за серой пеленой, есть жизнь.

— Как тебя зовут? — спросил мужчина.

— Андрей.

— А меня — Виктор. Только я его не заслужил.

— Почему?

— Потому что Виктор — значит «победитель». А я проиграл. Всю жизнь проигрывал. Всё, за что ни брался — всё разваливалось. Работа, семья, друзья. Даже смерть и ту я проиграл — лежу здесь, а уйти не могу.

Андрей сел рядом. Песок и щебень не охладили — он уже не чувствовал температуры. Но он чувствовал боль Виктора. Она была старой, застарелой, как незаживающая рана, которая болит даже спустя годы.

— Расскажи, — сказал Андрей. — Всё. С начала. Как было.

Виктор молчал так долго, что Андрей уже подумал — не ответит. Он смотрел на ржавые рельсы, на щебень, на свои руки, вцепившиеся в металл. Потом заговорил. Сначала тихо, потом громче, будто прорывая плотину, за которой годами копилась вода.

— Я родился в деревне. Отец пил, мать терпела. Я хотел вырваться. Учился хорошо, поступил в институт в городе. Думал, что выучусь, найду хорошую работу, заберу мать из деревни. А потом встретил её — Ленку.

— Ленка была красивая. Добрая. Верила в меня, когда я сам в себя не верил. Мы поженились, родился сын. Я думал — вот оно, счастье. Наконец-то. А потом меня сократили на работе. Не я один, многих. Завод закрыли, и всё. Я остался без копейки. Ленка работала в магазине, денег едва хватало на еду. Я искал работу — месяц, два, полгода. Ничего не находил.

— Ленка сначала поддерживала. Говорила: «Ничего, найдёшь, мы справимся». А потом начала упрекать. «Ты мужик или нет? Почему не работаешь? Посмотри на других — все работают, а ты сидишь дома». Я не выдержал. Запил. Сначала по выходным, потом каждый день, потом с утра. С работы перестал искать — зачем, если всё равно не возьмут?

— Ты не винил её? — спросил Андрей.

— Винил. И себя. И всех. А потом она ушла. Собрала вещи, забрала сына и ушла. Я даже не попытался её вернуть. Слишком стыдно было. Слишком поздно.

— А сын?

— Сын вырос. Я его почти не видел. Он звонил иногда, но я не брал трубку. Стыдно было. Не мог смотреть на него — напоминал о том, что я потерял. А потом он перестал звонить. Я думал, забыл. Но ты сказал, что он ищет меня. Это правда?

— Правда. Он живёт в другом городе. У него жена, двое детей. Он не забыл. Он помнит.

Виктор заплакал. Слёзы текли по его щекам, но он не вытирал их. Андрей смотрел на него и думал о том, сколько таких Викторов бродит по межмирию — застрявших между жизнью и смертью, не простивших себя, не отпустивших прошлое. Они сидят на ржавых рельсах, в заброшенных домах, на пустынных перекрёстках, и ждут. Ждут, когда кто-то придёт и скажет им то, что они хотят услышать.

— А если я пойду? — спросил Виктор. — Что там?

— Там тебя встретят. Не знаю кто. Может, родители. Может, друзья. Может, просто свет.

— А если никто не встретит?

— Встретят.

— Откуда ты знаешь?

Андрей помолчал. Потом сказал:

— Я тоже думал, что меня никто не встретит. Когда я умер, я был один. Я лежал в больнице, вокруг были чужие люди, и я чувствовал, что умираю. А потом пришёл проводник. Не такой, как я — старший. Кузьма. Он научил меня. И теперь я здесь.

— А тебя кто-то ждёт? Там?

— Да. Отец, дед, бабушка. И ещё те, кого я проводил.

— Много?

— Много. И каждый из них — как свет. Они не забывают. И я не забываю.

Виктор вытер слёзы рукавом — грязным, рваным, но Андрей знал, что это не настоящая одежда, а отражение того, как Виктор видел себя. Он был не грязным и рваным. Он был просто потерянным. Как тысячи других.

— Я боюсь, — сказал Виктор. — Боюсь, что там меня не примут. Что я не заслужил.

— Ты не судья себе. И никто не судья. Там не судят. Там принимают.

— А если я не пойду?

— Тогда останешься здесь. Будешь сидеть на рельсах, пугать машинистов, маяться. Одиночество навсегда.

— А ты? Ты останешься со мной?

— Я не могу. У меня другие души. Те, кто ждёт.

Виктор долго молчал. Потом встал. С трудом — ноги его дрожали, но он выпрямился.

— Веди, — сказал он.

Андрей протянул руку. Свет на его ладони вспыхнул ярко — не обжигающе, а тепло, как огонь в печке. Проход открылся не сразу, с трудом — душа Виктора не хотела уходить, цеплялась за рельсы, за этот мир, за свою боль. Но Андрей держал, не отпускал.

— Иди, — сказал он. — Не бойся.

Виктор шагнул. Обернулся в последний раз.

— Спасибо тебе, Андрей.

— Иди.

Он исчез в свете. Проход закрылся.

Андрей стоял на путях, смотрел, как вдалеке появляются огни поезда — настоящего, живого. Поезд прошёл сквозь него, не задев.

— Тяжёлый, — сказал он вслух.

— Самоубийцы всегда тяжёлые, — раздался голос Кузьмы. Старый проводник стоял на насыпи, курил трубку, выпускал прозрачные кольца. — Они не хотят уходить. Застраили в своём решении.

— Но этот ушёл.

— Ты помог. Не каждому это дано.

— А тебе? Ты помогал?

Кузьма выпустил кольцо дыма, посмотрел на него задумчиво.

— Помогал. И буду помогать. Пока хватит сил.

— А когда не хватит?

— Тогда придёт кто-то другой. Как ты пришёл ко мне. Как я когда-то пришёл к своему учителю. Круг не замыкается. Он продолжается.

Андрей исчез в мареве.

Интерлюдия

Андрей не хотел возвращаться к живым. Не потому, что не любил их — слишком больно было смотреть, как они живут, не зная, что он рядом. Но иногда он не мог удержаться.

Он пришёл в Погорелку, когда Иришка уже спала. Ей было, наверное, лет десять — он сбивался со счёта. Она лежала в своей комнате, обняв плюшевого мишку, и во сне улыбалась.

Андрей сел на край её кровати.

— Здравствуй, племянница, — прошептал он.

Иришка пошевелилась, вздохнула, но не проснулась.

Андрей знал, что она его чувствует — иногда, когда он приходил, она просыпалась и смотрела в угол, где он стоял. Но сегодня спала крепко.

— Ты не бойся, — сказал он. — Я рядом. Я всегда рядом.

Он вышел на крыльцо. Дима сидел на ступеньках, смотрел на звёзды. Пчёлы в ульях гудели ровно, спокойно.

— Андрей? — спросил он, не оборачиваясь.

— Я здесь, Димон.

— Тяжёлый день?

— Был. Самоубийцу проводил.

— Получилось?

— Получилось.

Дима помолчал. Потом сказал:

— А я сегодня думал о тебе. О том, как мы с тобой на кладбище работали. Помнишь?

— Помню. Ты тогда ветки туи наломать хотел.

— Наломал. А ты заболел.

— А ты выкинул.

— Поздно.

— Не поздно. Всё вовремя. Если бы не те ветки, может, я бы и не заболел. А если бы не заболел — не попал бы в больницу. А если бы не попал в больницу — не умер бы. И не стал бы проводником.

— Ты думаешь, это судьба?

— Я думаю, что всё, что ни делается, делается к лучшему. Даже смерть.

Дима повернулся. Смотрел прямо на брата, хотя не видел его.

— Ты ещё вернёшься? Насовсем?

— Нет. Но я буду приходить. Всегда.

Андрей шагнул в марево. Там ждали новые души.

Новелла 3. Ребёнок

Зов пришёл неожиданно. Не такой, как обычно — не голос, не нить, не ощущение. Просто тишина. Но тишина была плотной, тяжёлой, живой. Андрей почувствовал её за мгновение до того, как она накрыла его с головой.

Он стоял в сером мареве, прислушиваясь. Вокруг не было ничего — только серая мгла, тянущаяся во все стороны. Но он знал: кто-то здесь. Кто-то, кто не может кричать. Кто-то, кто разучился просить о помощи.

Андрей закрыл глаза и потянулся к своей памяти. Он вспомнил, как впервые оказался в межмирье после смерти. Как боялся, как не понимал, что происходит. Как Кузьма учил его слушать тишину.

— Тишина — это не пустота, — говорил старый проводник. — Тишина — это голос тех, кто не может говорить. Тех, кто слишком долго молчал. Тех, кто забыл, как произносить слова.

Андрей открыл глаза и пошёл.

Нить появилась не сразу. Сначала он чувствовал только направление — куда-то вглубь межмирья, туда, где марево становилось гуще, темнее, тяжелее. Потом нить проявилась — тонкая, почти прозрачная, дрожащая. Она была похожа на паутинку, которую вот-вот сорвёт ветер. Андрей шёл осторожно, боясь, что нить оборвётся.

Он шёл долго. Через поля, где когда-то бродили тени солдат. Через лес, где деревья были сделаны из тьмы. Через пустоши, где не было ничего, кроме серого песка и тоски.

Наконец нить привела его к дому.

Дом стоял посреди пустоты — маленький, деревянный, с покосившимся крыльцом и заколоченными ставнями. Он был похож на те избы, которые Андрей видел в заброшенных деревнях, когда был жив. Такие же — старые, уставшие, забытые.

Из дома доносился звук. Тонкий, жалобный, похожий на плач.

Андрей толкнул дверь. Она не скрипнула — в межмирье двери не скрипят.

Внутри было темно. Свет не проникал сквозь заколоченные ставни, но Андрей видел всё — он уже привык к темноте этого мира. Посередине комнаты, на старом продавленном диване, сидела девочка.

Ей было лет пять или шесть. Худенькая, с косичками, в синем платьице, которое когда-то было красивым, а теперь висело мешком. Она не плакала. Она сидела, обхватив колени руками, и смотрела в одну точку. Её душа была бледной, почти бесцветной, и только в груди теплился слабый золотистый огонёк — последний остаток света.

Андрей присел на корточки перед ней.

— Здравствуй, — сказал он тихо.

Девочка не ответила. Не подняла головы. Только пальцы её, сжимавшие колени, чуть дрогнули.

— Меня зовут Андрей. Я пришёл помочь тебе.

— Помочь? — голос у девочки был тонким, как струна, и таким же натянутым. — А кто тебя просил?

— Никто. Я сам пришёл.

— Зачем?

— Потому что ты здесь одна. А одной быть страшно.

Девочка подняла голову. Андрей увидел её лицо — бледное, с синими кругами под глазами. Глаза были большими, серыми, и в них застыла такая тоска, что у Андрея сжалось сердце.

— Я не одна, — сказала девочка. — Со мной мама.

— Где мама?

Девочка показала на угол комнаты. Там, у печки, стояла женщина. Прозрачная, почти невидимая, но Андрей разглядел её — молодую, красивую, с такими же серыми глазами, как у девочки. Она смотрела на дочь и улыбалась, но улыбка была грустной.

— Ты видишь её? — спросил Андрей.

— Вижу. Она всегда здесь. Но она не разговаривает. Только смотрит.

— Она не может разговаривать. Она уже перешла. Теперь она — часть света.

— А я? Я тоже перешла?

Андрей помолчал. Он не знал, как сказать правду. Не знал, как объяснить ребёнку, что она умерла.

— Ты ещё нет, — сказал он осторожно. — Ты здесь. Между.

— А где «здесь»?

— Это место называют по-разному. Межмирье. Граница. Между мирами.

— А что там, за границей?

— Там свет. И там ждут.

— Мама ждёт?

— Мама уже там. Она ждёт тебя.

Девочка посмотрела на угол, где стояла женщина. Женщина кивнула — едва заметно, но Андрей увидел.

— Почему ты не придёшь ко мне, мама? — спросила девочка.

Женщина не ответила. Только покачала головой.

— Она не может, — сказал Андрей. — Она уже ушла. А ты ещё здесь. Чтобы уйти, нужно сделать шаг.

— А если я не сделаю?

— Тогда останешься здесь. Навсегда.

Девочка замолчала. Андрей ждал. Он знал, что дети — самые сложные души. Они не спорят, не доказывают, не пытаются обмануть. Они просто чувствуют. И если они не готовы — никакие слова не помогут.

— Я боялась, — сказала девочка наконец. — Когда мы ехали, мама кричала. Потом стало темно. Потом я открыла глаза, а мамы нет. Только этот дом.

— Авария, — тихо сказал Андрей. — Вы попали в аварию. Твоя мама умерла сразу. Ты — через два дня в больнице.

— А я помню только дом.

— Потому что ты не хочешь помнить боль. Ты спряталась сюда. В место, где тебе было хорошо.

Девочка заплакала. Тихо, беззвучно, как плачут дети, когда боятся, что кто-то услышит.

— Я хочу к маме, — прошептала она. — Очень хочу.

— Я проведу тебя. Хочешь?

Девочка подняла на него глаза. Серые, мокрые, но в них уже не было тоски. Только надежда.

— А ты не обманываешь?

— Нет. Я не обманываю.

— А мама там правда?

— Правда. Она ждёт.

Девочка встала. Взяла Андрея за руку. Её ладошка была маленькой, холодной, но Андрей чувствовал, как в ней теплится жизнь — последняя искра, которую он должен сохранить.

— Пошли, — сказал он.

Они вышли из дома. Девочка оглянулась, будто прощалась с тем местом, где провела — сколько? Дни? Годы? Вечность?

— Там осталась моя кукла, — сказала она.

— Кукла не настоящая, — мягко ответил Андрей. — Это часть твоего убежища. Она исчезнет, когда ты уйдёшь.

— Жалко. Я её любила.

— Там, куда мы идём, будут другие игрушки.

— Какие?

— Не знаю. Я там не был. Только провожал.

Девочка посмотрела на него с любопытством.

— А ты никогда не хотел остаться?

— Хотел. Однажды. Но меня попросили помочь.

— И ты помогал?

— Помогал. И до сих пор помогаю.

— А когда перестанешь?

— Не знаю. Может, никогда.

Они шли по серому мареву. Девочка держалась за руку Андрея и смотрела по сторонам. Ей было страшно, но она не плакала. Только иногда вздрагивала, когда из мглы выныривала очередная тень.

— А кто это? — спросила она, показывая на тень.

— Души. Те, кто не ушёл.

— Они злые?

— Нет. Они просто потерянные.

— Как я?

— Как ты. Но ты уже нашла дорогу.

Девочка замолчала, переваривая услышанное. Андрей шёл и думал о том, как странно устроен этот мир — живые торопятся умереть, мёртвые не хотят уходить, а дети, которые меньше всего заслужили смерти, застревают здесь чаще других.

— А почему ты помогаешь? — спросила девочка.

— Потому что кто-то должен.

— А другие не могут?

— Могут. Но не хотят.

— Почему?

— Потому что тяжело. Провожать — это тяжело. Особенно детей.

Девочка посмотрела на него долгим взглядом.

— А тебе тяжело со мной?

— Нет, — сказал Андрей, и это была правда. — С тобой легко. Ты сама хочешь уйти. Ты не боишься.

— Боюсь. Но я хочу к маме.

— Это правильно. Страх — не враг. Враг — когда страх заставляет тебя оставаться на месте.

Они шли дальше. Марево постепенно светлело, и впереди, на горизонте, Андрей заметил золотистое свечение. Проход был близко.

— Смотри, — сказал он, показывая.

Девочка увидела. Её лицо осветилось улыбкой.

— Там мама?

— Там. Ждёт.

— Я побегу!

— Не надо. Иди спокойно. Она никуда не денется.

Девочка послушалась. Пошла рядом, но её рука в руке Андрея дрожала — от нетерпения, от радости, от страха, что это сон, что она проснётся и снова окажется в том тёмном доме.

— А ты потом придёшь к нам? — спросила она.

- Не могу. Мой дом здесь.
- Жалко. Ты хороший.
- Спасибо.
- А можно я тебя обниму? На прощание?

Андрей остановился. Он не знал, можно ли — проводники не должны привязываться к душам, которых провожают. Но он присел на корточки и раскрыл руки.

Девочка обняла его. Крепко, по-детски, уткнувшись носом в его плечо.

— Спасибо, дядя Андрей, — прошептала она.

— Иди, — сказал он. — Мама ждёт.

Девочка шагнула в свет. Обернулась в последний раз, помахала рукой и исчезла.

Проход закрылся.

Андрей стоял на пустом месте и смотрел туда, где только что сиял свет. Вокруг снова было серое марево, тишина и пустота. Но он знал — он сделал всё правильно.

Интерлюдия

Андрей не хотел возвращаться к живым после таких проводов. Слишком больно было смотреть на детей, которые ещё живы, и думать о тех, кого уже нет. Но он пришёл. Потому что обещал себе: иногда он будет приходить, чтобы не забывать, зачем он здесь.

В Погорелке было утро. Иришка сидела на крыльце, ела кашу и болтала ногами. Дима возился с ульями, Ирина хлопотала в доме.

Андрей сел рядом с племянницей. Она не видела его, но иногда поворачивала голову в его сторону, будто чувствовала.

— Ты сегодня грустный, — сказала она вдруг.

Андрей удивился.

— Ты меня видишь?

— Не вижу. Но чувствую. Ты дядя Андрей?

— Да.

— Я знала. Мама говорит, что ты приходишь иногда. Я рада.

— Я тоже рад.

— А почему ты грустный?

— Проводил одну девочку. Она умерла. Ей было пять лет.

Иришка задумалась. Она ещё не знала, что такое смерть, но уже чувствовала, что это что-то плохое.

— А она теперь там, где мама?

— Там.

— Значит, ей не страшно.

— Не страшно.

— Тогда не грусти. Она же счастлива.

Андрей улыбнулся. Дети иногда умнее взрослых.

— Ты права, — сказал он. — Она счастлива.

Он встал, погладил племянницу по голове — невесомо, но Иришка почувствовала тепло.

— Дядя Андрей ушёл? — спросила она.

— Ушёл.

— А когда придёт?

— Не знаю. Но я буду ждать.

Андрей шагнул в марево и сразу почувствовал — что-то изменилось. Воздух стал плотнее, тяжелее, будто перед грозой. Нити, которые обычно висели ровно, сейчас дрожали, пуль-

сировали, некоторые обрывались на полпути, не доходя до своих душ. Он никогда не видел такого раньше. Межмирье болело.

Кузьма встретил его на невидимой скамейке. Старый проводник не курил — это было плохим знаком. Он сидел, сложив руки на коленях, и смотрел в пустоту. Его свет, всегда ровный и спокойный, сейчас мерцал тревожно.

— Ты чувствуешь? — спросил Андрей, садясь рядом.

— Чувствую. Равновесие снова нарушено.

— Из-за чего?

— Из-за детей. Их слишком много умирает в последнее время. Аварии, болезни, несчастные случаи. Их души не успевают адаптироваться. Они застревают.

— Я только что проводил одну девочку. Она была в доме, одна. Думала, что мама вернётся.

— Знаю. Я видел. Ты хорошо сделал.

— Почему они не могут уйти сами?

— Потому что они дети. Они не понимают, что умерли. Они думают, что это сон. Или что мама скоро придёт. Или что они просто заблудились. Им нужен проводник. Всегда. Без проводника они остаются здесь навсегда.

— А если проводник не приходит?

— Тогда они становятся теньями. Бродят между мирами, пугают живых, иногда помогают.

Но это неправильно. Так не должно быть.

Андрей помолчал. Он думал о той девочке в синем платье, о её матери, которая стояла в углу и не могла говорить. О том, как мало времени остаётся у детей, чтобы уйти правильно.

— Сколько их? — спросил он.

— Много. Слишком много. И с каждым днём всё больше.

— Что можно сделать?

— Работать. Провожать. Каждого, кого сможешь.

— Я устал, Кузьма.

— Я знаю. Но ты не можешь остановиться. Если ты остановишься — они останутся здесь навсегда. Тысячи детей, которые будут бродить по межмирию, плакать, звать мам, которых нет рядом.

Андрей встал.

— Где следующий?

— В старом госпитале. Мальчик, семь лет. Рак. Умер сегодня утром.

— Он знает, что умер?

— Нет. Думает, что просто лежит в больнице.

— Я пойду.

— Иди.

Андрей вышел к старому госпиталю. Здание было серым, облупившимся, с заколоченными окнами и покосившейся крышей. Когда-то здесь лечили людей, потом закрыли, и теперь оно стояло заброшенное, никому не нужное. Но в межмирье госпиталь был живым — здесь всё ещё бродили тени тех, кто не успел уйти.

Внутри пахло лекарствами и смертью — даже в этом сером мире запах не исчезал, въелся в стены, в пол, в потолок. Андрей прошёл сквозь стену и оказался в палате. Белые стены, железная койка, капельница, которую уже отключили. На койке лежал мальчик — худой, бледный, с закрытыми глазами и тёмными кругами под ними. Рядом сидела женщина, держала его за руку и плакала. Мать. Её плечи вздрагивали, она что-то шептала, но слов было не разобрать.

Душа мальчика стояла у окна и смотрела на улицу. Там было серое марево, такое же, как везде, но он, казалось, видел что-то другое — может быть, свой дом, может быть, площадку во дворе, где он играл с друзьями.

Андрей подошёл, встал рядом.

— Привет, — сказал он тихо.

Мальчик обернулся. Глаза его были ясными, но в них застыло недоумение. Он не понимал, где находится и почему его тело осталось на койке.

— Ты кто?

— Меня зовут Андрей. Я пришёл помочь.

— А что случилось? Я был в больнице, потом заснул, а проснулся здесь. Мама плачет, а я не могу к ней подойти. Я звал её, но она не слышит.

— Ты умер, — мягко сказал Андрей. — Рак. Врачи сделали всё, что могли, но твоё тело было слишком слабым. Оно не справилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.